

УДК 316.733

КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Г.Л. Костров

ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет,
г. Мытищи

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.4.059

Статья посвящена проблеме формирования культурной травмы в эпоху постмодерна. Дан анализ трудностей, возникающих при таком формировании: исчезновение сакрального, разрушение метанарративов, традиционного социального пространства и времени, привычных моральных норм, недоверие к нормативному Разуму, рост индивидуализма и эгоцентризма, хаоса и неопределенности, отсутствие прочных связей между поколениями, чувства вины и ответственности за деяния предков, стремление жить «здесь и сейчас» и пр. Выявлены особенности функционирования нарративного фетишизма в современной России, выражающегося в борьбе с «фальсификациями истории».

Ключевые слова: культурная травма, конструктивизм, идентичность, память, забвение, вина, жертва, виктимизация, покаяние, постпамять, мультикультурализм, коммеморация, фальсификация, нарративный фетишизм, этика коммуникативного действия.

В гуманитарных науках все более популярным становится направление Trauma Studies. По теме культурной травмы выходят десятки статей, монографий. Все большую популярность приобретает концепция культурной травмы, которая предлагается «сильной программой» культурсоциологии Дж. Александера [1]. Однако, на мой взгляд, в трактовке культурной травмы существуют серьезные проблемы, еще недостаточно проанализированные в философской, социологической, культурологической и исторической литературе.

Культурная травма строится на символах сакрального, возвышенного и обычно ассоциируется с высшей ценностью, трансцендентным. Но современная цивилизация – это обезбоженный (Ф. Ницше), расколдованный (М. Вебер) мир. Некоторые исследователи отстаивают идею о возвращении сакрального в современный мир [17]. Но на мой взгляд, в эпоху постмодерна, в которой мы сейчас живем, происходит десакрализация коллективного сознания, она только имитирует сакральное, использует эрзац, превращает трансцендентное в симулякры. Люди предпочитают не возвышенное, а имитацию возвышенного, которая может выражаться в различных формах. Это и массовый туризм, освоение космоса, эскапизм, наркотики, секс, спорт, мифологизация истории, игра в патриотизм и героизм, гражданская религия и пр. Имитация сакрального, симулякр трансцендентного выстраивается как бессо-

© Костров Г.Л., 2021

знательное – имманентно-трансцендентный мир неосознанных желаний и страстей [4; 5]; линейная история как сфера темных первоисточков светлого будущего, полного надежд на богатство, комфорт, наслаждение, изобилие [6; 18]; освоение Космоса, Вселенной – одомашнивание Хаоса, бесконечности и неопределенности [9]; эротика как бесконечный поиск эстетических и физиологических удовольствий; наркотики как средство оторваться от повседневности, суррогат туристического путешествия для тех, кто убегает от самого себя; искусство как средство ухода в царство образов и фантазий, создание грез с помощью художественного творчества [12; 15]; одержимый рекордами спорт как попытка преодолеть повседневные границы телесного движения и возможностей тела; туризм как расширение мира, данного в опыте, поиски чудесного в другом времени и пространстве; обожествление нации – национализм [11; 14; 16], психологическая защита от ощущения брэнности и незащищенности [13] и т. п.

Мы сейчас находимся в позднем, текущем модерне, или постмодерне – обществе потребления. «Имя потребительской игре – не столько жадность к приобретательству и владению, не накопление богатств в его материальном, осязаемом смысле, сколько страсть к новым, доселе не испытанным ощущениям. Потребители – это в первую очередь коллекционеры ощущений; они собирают вещи лишь во вторую очередь, как следствие» [3, с. 121]. Иначе говоря, мы имеем дело с трансцендированием без трансцендентного, с суррогатом трансцендентного, с заменой, замещением сакрального магическим. Классические онтологические схемы лгут, гарантируя всеобъемлющий порядок под покровительством Абсолюта. Постмодерн – это современность, лишенная иллюзий. Мы можем констатировать: «Бог умер» и на его месте огромная онтологическая дыра, что и выражается в повсеместном распространении иронизма, цинизма и нигилизма. Как в такой атмосфере создать условия для формирования культурной травмы?

Одна из главных проблем современного мира – проблема дивергенции, разрушения тех общностей, которые на протяжении веков демонстрировали свою устойчивость и стабильность. Травма возникает на основе коллективного сознания. Однако коллективная идентификация в эпоху постмодерна наталкивается на значительные препятствия. Метанарративы, прежние сообщества и способы их воспроизводства стремительно разрушаются. Гнет прежних глобальных общностей исчезает, уходят в прошлое классовая, национальная, государственная, религиозная солидарность. Рушатся нации, становятся слабыми государства, уходят в небытие религиозные общности, языковые сообщества. Становятся анахронизмом классовые, родовые, клановые, корпоративные связи. Национально-этническая идентификация все более отторгается, заменяется индивидуальной. Глобализированный социум характеризуется, с одной стороны, унификацией, с другой – разнородностью. Проис-

ходит трайбализация общества, возникают многочисленные локальные сообщества, наряду с унификацией растет дифференциация. Общество фрагментируется, общественные пространства сжимаются как шагреновая кожа.

Современный человек очень слабо связан с социальным пространством, которое пришло в движение. Кто-то привязан к месту, кто-то от него свободен. «Местность» в новом мире высоких скоростей – это совсем не то, чем была местность в те времена, когда информация перемещалась только вместе с самими ее носителями; и сама местность, и местное население имеют мало общего с понятием «местное сообщество». Общественные пространства – агоры и форумы в их различных проявлениях, места, где определялся круг вопросов для обсуждения, где личные дела превращались в общественные, где формировались, проверялись и подтверждались точки зрения, где составлялись суждения и выносились вердикты – эти пространства вслед за элитой сорвались со своих местных якорей; они первыми «детерриторируются» и распространяются далеко за пределы возможностей «естественной» связи, которыми обладает любая местность и ее жители. Вместо того, чтобы служить очагом сообщества, местное население превращается в болтающийся пучок обрезанных веревок» [3, с. 39]. Выявить новые смыслы, донести их до соответствующей аудитории возможно сейчас, как правило, только в виртуальной реальности Интернета или других медиа. Стремительное разрушение традиционных и привычных общественных пространств происходит и в связи с обрушившейся на человечество коронавирусной пандемией, которая кардинально меняет возможности коммуникации людей в современном мире.

В эпоху постмодерна главная проблема – противостояние личного и общественного, личных и социальных устремлений, потребностей, целей, ответственности. Многие социологи (З. Бауман, П. Бодрийяр, А. Турен, Э. Гидденс, У. Бек, Дж. Урри, Р. Сеннет, П. Слотердаик и др.) пришли к выводу, что в период позднего модерна мир общественного, публичного постепенно умирает. Общество становится другим – незнакомым и непонятным. Основная производительная сила уже не крестьянство, призванное накормить всех, не малоквалифицированный пролетариат, способный только на физический труд, не рабочий класс, создающий промышленное изобилие, а интеллектуальная элита, люди умственного труда. Символический капитал производится ныне интеллектуалами, которые, как правило, являются космополитами. Тождество «Я» сейчас во многом соответствует понятию «гражданин мира». Космополитам присущи толерантность и пацифизм, отсутствие привязанности к территории, локальному пространственному «месту». Рефлексия освобождает индивида от принуждения со стороны общества, делает свободным, позволяет изобретать себя. Формой коллективной рефлексии становится дискурс, свободное обсуждение, диалог. Но если

нет публичных пространств, то формирование культурной травмы весьма затруднено. На мой взгляд, социальность как таковая не исчезает, но становится другой – настолько неоднозначной, причудливой, необычной, что «модернити» демонстрирует в социальном анализе недостаточную эффективность, растерянность и беспомощность. Мы живем в эпоху разочарования в Просвещении, прогрессе, будущем. В этой культурной атмосфере найти и сделать ведущими какие-то более-менее значимые смыслы, которые смогли бы стать объединяющим началом для больших масс людей, чрезвычайно сложно. Что может травмировать тех, кто живет в XXI в.? Какие страницы трагической истории могут повлиять на коллективное сознание? Да и существует ли сейчас коллективное сознание, подобное сознанию второй половины XX в.? Что является объединяющей силой в условиях отсутствия глобальных воображаемых сообществ? Как создать публичность, общественное, диалог в новых формах?

Зигмунт Бауман стремится доказать, что Холокост есть следствие технизации мира [2]. По его мнению, в условиях существования технократического общества, где средство является заменой ценности и цели, Холокост, аналогично системе ГУЛАГ или бомбардировке Хиросимы, может существовать и протекать в пассивном режиме. Иначе говоря, фашизм – естественное состояние человечества, латентно присутствующий всегда и везде; он пытается свести сложное к простому, редуцировать общество до простого механизма, которым можно глобально управлять.

Бауман утверждает, что современное общество базируется на «садовой культуре», построенной на рационализации мира, технологизме и стремлении «убрать сорняки». Задача «садовой культуры» – в создании искусственного, рационального, просчитанного порядка, в котором нет места «сорнякам», т. е. спонтанным, или внесистемным элементам. «Современный геноцид является элементом социальной инженерии, призванной построить социальный порядок, соответствующий структуре идеального общества» [2]. С позиций «садовой культуры» мир есть пространство эксперимента по выведению лучших людей. Отсюда «банальность зла (Х. Арндт): зло совершают обычные люди, принимающие как норму установленный в обществе порядок и добросовестно выполняющие обязательства, предписанные им действующим законом. Бауман подвергает сомнению веру в неуклонный моральный прогресс человечества. Он полагает, что ни память, ни вина, ни этика не способны стать единственным гарантом безопасности от Холокоста, Освенцима, ГУЛАГа.

Я считаю, что, несмотря на опасности сползания некоторых государств к тоталитаризму, современное общество все менее напоминает паноптикум Бенгама и садовую культуру – оно лишено абсолютной прозрачности и им невозможно управлять как большой машиной. Не-

возможно надзирать за каждым и дисциплинировать любого, муштруя таким образом общество, выстраивая его развитие в том или ином направлении. Общество постмодерна непрозрачно, многомерно, чрезвычайно усложнено. Это организм, который может развиваться хаотично, по принципу диссипативных структур, проходить точки бифуркации, выбирать совершенно неожиданные траектории развития, которые в принципе невозможно предсказать и которыми, более того, невозможно управлять.

Обвинения Хоркхаймера и Адорно в том, что Просвещение «породило» тоталитаризм, на мой взгляд, беспочвенны. По Канту, Просвещение – это взрослое состояние человечества. Категорический императив сохраняет за индивидом свободу морального выбора, человек – сам себе мера и закон. В подобном контексте ссылки нацистов на то, что они были всего лишь «частью системы», «не знали», «просто выполняли приказ» или «долг», противостоят духу модерна – это контр-просвещенческая позиция.

Не стоит демонизировать науку, технику, рационализацию. Сама по себе технизация мира не является злом, так как ни наука, ни техника не являются самодовлеющими; они – лишь средство, которое человек использует в своих интересах. Технизация становится злом только в том случае, когда превращается в идеологию потребительского общества и начинает претендовать на новый метанарратив (здоровье, комфорт, удовлетворение потребностей, повышение благосостояния во что бы то ни стало, умножение наслаждений и удовольствий, забота о телесном). Наука и техника – средства улучшения жизни и их нужно правильно использовать, не превращая в самоцель. Проблема практического использования науки и техники должна быть подчинена дискурсу ответственности.

Культурная травма строится на наличии ответственности ныне живущих поколений за деяния предков. Покаяние – термин религиозный. Однако, как я полагаю, каяться можно только за личные прегрешения. Каяться может государство за свои преступления. Но может ли существовать и быть действенным коллективное покаяние за преступления, которые ты не совершал, за преступления, насилие, несправедливости, которые были совершены твоими предками или представителями твоей нации или твоего государства давным-давно? Может ли современный человек нести ответственность за поступки других людей, с которыми его разделяют годы, десятилетия, века? Кто такие наши предки и почему мы должны чувствовать ответственность за их деяния? Какое значение имеют здесь родственные узы, если индивиду нет дела до своих прежних и ныне живущих родственников? Другими словами, что общего у современного афроамериканца с его предком, работавшем на плантациях? Что связывает современного россиянина с его крепостным прапрадедушкой? Что объединяет современного мигранта, приехавшего

в Канаду с колониальным прошлым этой страны? Можно ли о поступках исторических персонажей судить по законам нашего времени? Что связывает меня, интеллигента-очкарика, с моим прадедушкой, драчуном и пьяницей, полжизни воевавшим и убившим на войне (и не только) много людей? Иначе говоря, «стоит ли каяться за преступления Рюрика, Игоря и Ольги?»

Чтобы перейти от коллективной к культурной травме, согласно концепции, сформулированной в «сильной программе» культурсоциологии, необходимо сформировать «комплекс вины». Этот комплекс довольно часто строится на разного рода преувеличениях, связан с определенной мифологизацией. На мой взгляд, главное – не абсолютизировать желание каяться, испытывать вину, не приносить извинения за всех и каждого. Групповая ответственность – черта негуманистических обществ, каковыми являлись нацистская Германия или, скажем, СССР времен сталинизма (Голодомор, выселение классово чуждых слоев из захваченной Прибалтики, изгнание поволжских немцев в Казахстан, готовившееся изгнание всех евреев в Сибирь в начале 1950-х, выселение чеченцев и т. д.). Покаяние – это нравственный приговор общества, но он может быть (в угоду конкретным интересам властных групп) замолчан, заболтан, извращен и даже отменен.

Как заметил еще В. Шекспир, «порвалась дней связующая нить». Мы чувствуем, что в современную эпоху ослабевают связи с прошлым. Прошлое стало фрагментированным, утратило непрерывность, определенность оценок. Людей оно почти не интересует, поскольку не может дать ответы на насущные вопросы сего дня. История, как правило, представлена в виде мифов, сказок, идеологических нарративов, воспевających славных предков и героев-богатырей. Трагические, постыдные, преступные страницы истории надежно спрятаны и даже архивы нередко засекречены. Чтобы пробудить память, нужно затратить невероятные усилия, хотя в этой области, главным образом благодаря медиа, и бывают неожиданные прорывы.

Чувство вины и ответственности за действия или бездействие своих близких или дальних предков ныне формируется слабо, оно не имеет под собой корней, так как современный индивид живет «здесь и сейчас». «Сегодня мы безразличны к тому, что интересовало нас еще вчера, чтобы уже завтра потерять интерес к тому, что привлекает наше внимание сегодня» [7]. Поздний модерн характеризуется тем, что связи между поколениями все более ослабевают или совсем отсутствуют. Рабство, угнетение, великие жертвы, страдания, историческая несправедливость, преступления типа ГУЛАГа, Холокоста – все это уходит в прошлое и мало кого интересует. Многие пострадали от большевиков в XX в. Но эта непреходящая боль присуща тем поколениям, которые уже уходят с жизненной сцены. Живых свидетелей этих трагедий практически нет. Потомки жертв террора разбросаны по всему миру. Коллектив-

ная память живет недолго – всего лишь несколько десятилетий. У новых поколений нет желания нести ответственность или чувствовать вину за какие-то действия людей, которые жили до них. Ресентимент, кровная месть, покаяние строятся на существовании и признании древней оппозиции «мы–они, свои–чужие, наши–не наши, друзья–враги». Крепкие межпоколенческие связи были характерны для аграрного, традиционного общества, общества кланов, племен, родовой общины. Постмодерн заменяет эту древнюю оппозицию на современную – «мы–иные».

«Свои» в современном мире – понятие относительное. Общность крови? Родовая ответственность, коллективные обязательства? Но почему я должен чувствовать какую-то общность с соседом по лестничной клетке? Только потому, что он тоже русский? Что объединяет меня с коллегами по работе, если я знаю, что сегодня работаю здесь, а завтра буду работать не только в другом городе, но даже в другой стране, а фирма, где я сейчас работаю, исчезнет? Мстить или каяться за «своих» в такой ситуации – что может быть более абсурдно? Кто такие эти «свои»? Память – это память о предках, память о прежних социальных связях. Но кого они сейчас интересуют? Даже практики меморизации – это во многом дань тем, кого уже давно нет, «следы беспамятства» (П. Нора) [10]. Социальная гибкость сейчас во многом зависит от умения забывать. Однако если нет прочной связи между поколениями, то, соответственно, отсутствуют условия для формирования «постпамяти». Имеет ли «постпамять» корни в современном мире за исключением немногочисленных акторов, которые пытаются выстроить коллективную память на основе переживания неизжитой травмы?

Разговоры о культурной травме явно или неявно исходят из того, что необходимо переписать историю на основе современных представлений, осудить всех тех, кто вел себя неправильно в прошлые исторические эпохи. «Нарратив виновности» и «идеология извинений» не имеют предела: мы готовы бесконечно переписывать историю, вспоминать акты насилия и несправедливости. Но имеет ли это смысл? Я полагаю, что моя зона ответственности заканчивается на моих действиях. Если я разумное и нравственное существо, то за свои поступки, свое поведение, свою жизнь я обязан нести ответственность как моральную, так и правовую. В этом и состоит вменяемость личности. Коллективная вина, коллективная ответственность за деяния предков или рода в эпоху постмодерна воспринимаются с трудом.

В современном мире существуют нормы и принципы цивилизации, которые контролируют человеческое поведение, ограничивают эгоизм и агрессивные поползновения индивида. За последние десятилетия произошли существенные трансформации, которые привели к качественным изменениям принципов, норм поведения, правил, которым подчиняются действия стран, входящих в мировое сообщество. Эти изменения закреплены в нормах международного права. Да, далеко не все,

накопленное человечеством, эффективно работает. Да, некоторые международные органы (например, ООН) нуждаются в серьезной трансформации, перестройке. Однако нельзя на этом основании вообще отрицать эти нормы и эти правила.

На мой взгляд, трактовка культурной травмы едва ли уместна за пределами современности. Мы, к примеру, знаем, каким страданиям подвергались предки черных американцев, население бывших колоний. Тем не менее за последние десятилетия положение коренного населения Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, представителей меньшинств в США и многих других странах значительно улучшилось. Однако события давно ушедшего прошлого мы нередко пытаемся оценивать по стандартам нашего времени, когда действует доктрина прав человека, имеются институты правового государства, системы мер социальной поддержки. С другой стороны, существующие в нынешнем обществе проблемы должны решаться через апелляцию не к историческим обстоятельствам, а к общепризнанным ценностям и ныне действующим законам.

Стоит ли к истории подходить с позиций сего дня, использовать современные критерии, рассматривая их в качестве универсальных? В качестве примера: если сейчас шлепнуть ребенка не позволяет современная этика, то еще чуть больше столетия в качестве воспитательного средства использовались розги, и не только дома, но и в госучреждениях. Человек – существо историческое. Еще в средние века и даже в эпоху Возрождения аутодафе было своеобразным театральным представлением и люди собирались на площадях городов, чтобы поглазеть на сожжение еретиков, ведьм, колдунов. Нравы были грубые, жестокие. И это было нормой. Для осуждения или оправдания предков нужно оказаться в той эпохе, в том историческом времени, в том историческом и культурном пространстве, в тех обстоятельствах, в которых они находились. Не случайно у нас нет стремления идентифицировать себя с этими «предками» и отсутствует чувство вины, желание покаяться, взять на себя ответственность и пр.

История – это непрерывная смена различных состояний, которая не позволяет говорить о норме как о чем-то неизменном. Каждая эпоха имела свои каноны, нормы, правила, традиции поведения, свои социальные институты, свои представления о допустимом и должном. В каждую эпоху эти представления отличались в разных культурах, странах, социальных общностях. Однако современный мир имеет Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., документ, который выступает как общепризнанный канон. После Второй мировой войны она превратила человечество в единое целое и позволила судить порядки и практики любого из народов с неких усредненных позиций. И прогресс здесь налицо. В.Л. Иноземцев отмечает, что, если признавать релятивизм в качестве важнейшего элемента оценки исторических событий и осно-

ываться на том, что прежние «заслуги» или «злодеяния» народов «спиваются», как только уходят со сцены люди, с которыми их непосредственно можно связать, возникает новая реальность, или новый «баланс достижений». В этом случае оказывается, что понесенные тем или иным народом в течение столетий жертвы, лишения или тяготы не имеют значения в настоящем. Они могут отражаться в памяти этого народа, этнической или религиозной группы, но не обязаны приниматься во внимание кем-либо еще. В.Л. Иноземцев уверен, что новое поколение не должно нести ответственность за ошибки предыдущего поколения [8]. Я с ним совершенно согласен.

Можно ли говорить о том, что теория культурной травмы применима повсеместно? Мы видим, что далеко не каждое трагическое событие становится важным для обществ, и причины этого не всегда связаны с самим событием. Иногда трагические события, происходящие в мире, не приводят к формированию культурной травмы. Так, например, убийство в Руанде более пятисот тысяч тутси, учиненный военными этноцид двухсот тысяч индейцев майя в Гватемале, истребление «красными кхмерами»-маоистами почти трети всего населения Камбоджи, уничтожение трехсот тысяч людей японцами в китайском Нанкине, уничтожение миллионов людей в период сталинских репрессий в СССР – по тем или иным причинам прошли почти незамеченными, остались непроработанными, не стали культурным событием и трагическим уроком. По социальным, культурным, цивилизационным причинам акторы не нашли ресурсов, чтобы широко распространить свои заявления о травме. Не было создано достаточно убедительных нарративов или они не дошли до широкой аудитории. В результате этот трагический опыт не был осмыслен, озвучен, проработан. Не появилось новых определений моральной ответственности. Границы социальной солидарности не расширились. Явления массового страдания не стали нарративами коллективного страдания для народов, не говоря уже о мире в целом, не превратились в культурную травму.

В.Л. Иноземцев отметил, что «нарратив вины» обычно присущ тем странам и народам, которые сегодня успешны и достигли наивысших показателей экономического развития и социального прогресса. Учитывая специфику прежних эпох, все они когда-то вели агрессивные войны, захватывали чужие территории, подавляли и унижали другие народы. Этот нарратив позволяет извиняющимся чувствовать себя стоящими на позициях справедливости и тем самым подниматься в собственных глазах; с другой стороны, он открывает широкие возможности для развития диалога с теми, кто ранее становился жертвой агрессии и насилия или не может преодолеть враждебного или скептического отношения к их инициаторам. Осознание вины и стремление признать свою ответственность за прошлое в этом случае следует оценивать позитивно [8].

Мы, конечно, знаем, что грехи предшествующих поколений падают на плечи ныне живущих, и они часто вынуждены расплачиваться за ошибки или преступления своих предков. В то же время непомерное раздувание вины за какие-то прошлые деяния предков, на мой взгляд, вряд ли продуктивно. Так, к примеру, в условиях массовой миграции представляется совершенно невозможным воспитать чувство причастности к негативной стороне национальной истории у выходцев из других регионов мира, «понаехавших» на ту или иную территорию. Новые поколения жителей уже не идентифицируют себя с историей страны, у них нет почвы для формирования нарратива виновности. Индивид в эпоху постмодерна обычно ориентируется не на прошлое, а на настоящее, на бытие «здесь и теперь». Вследствие быстро растущей дифференциации общества радикально обостряется проблема формирования и определения идентичности. Сейчас многие страны имеют миграционное общество, состоящее из представителей различных этносов со своими культурными, языковыми, религиозными и прочими особенностями. Это разноликая и разношерстная совокупность диаспор. Соответственно, возникают серьезные трудности формирования культурной травмы, которая своими корнями уходит в прошлое и базируется на памяти. Раньше, в период господства национального нарратива, иммигрант должен был адаптироваться к новой культуре, повариться в «плавильном котле», принять новую систему ценностей, оставить в прошлом тот мир, из которого он пришел, освоить новый язык и новую культуру. Теперь центральное место заняла культурная самобытность, с ней стали соотноситься личные воспоминания, служившие основой для отнесения себя к той или иной отдельно выделенной идентичности. Политика мультикультурализма предоставляет иммигрантам право сохранять свою культурную идентичность и культурное наследие. Будет ли иммигрант разделять ответственность за прошлое этой страны, за преступления «коренных народов»? Мультикультурализм предполагает, что люди не обязаны «любить друг друга», не обязаны ассимилироваться в культуру той страны, в которой они в силу обстоятельств оказались. Но они обязаны соблюдать законы той страны, в которой живут. Безразличие, равнодушие в отношении друг друга – это повседневная и рутинная среда, в которой людям приходится жить. Однако глобализация заставляет людей общаться, выстраивает новые стили, традиции, ритуалы. Нормативное закрепление определенного представления о прошлом мне видится устаревшим и дисфункциональным. Место одержимости пока янием давно занимает знание о совершенных преступлениях, вписанное в исторический контекст, и сознание ответственности в рамках мемориальной культуры, базирующейся на правах человека и на внимании к жертвам. Мемориальная педагогика может и должна быть не связана с аффектом вины.

В производстве культурной травмы большое значение имеет взаимодействие памяти и забвения, амнезии. Любая память – индивидуальная, социальная, культурная – суть проявление самосознания, свидетельство вменяемости и критерий интеллектуального и нравственного развития. Историческая память социума, являясь важнейшим фактором консолидации, формирования культурной и гражданской идентичности, разворачивается в виде нарративных практик – устных, письменных, визуальных. Пробуждение общей памяти способствует обретению необходимого языка, формирует политику памяти. Культурная травма – это недавняя конструкция, ей не более нескольких десятков лет. Новая культура памяти, сфокусированная на трагедиях и начавшая формироваться во второй половине XX в., неразрывна с идеологией прав человека и новыми этическими требованиями в политике. Иначе говоря, это модернистская идея. Проблематизации «исторической памяти» способствовало вовлечение в оборот нетрадиционных источников, интерес к личным воспоминаниям, семейной истории, краеведению, многократно усиленный становлением устной истории и обеспеченный новыми способами обработки информации. В процессе внедрения понятия «историческая память» в исторические исследования вводятся новые специфические термины: «социальные рамки памяти», «политика памяти», «места памяти». Задаче смягчить коллективную травму и избавиться от травмирующего груза истории служит практика меморизации. Способны ли традиционные мемориальные механизмы обеспечивать «памятование»? Сейчас мы видим бесконечную череду переименований улиц, проспектов, мостов, городов, сноса старых и строительства новых монументов и пр., которая свидетельствует только о разрушительной работе забвения. Какова роль музеев, мемориальных комплексов, памятников, праздников, государственных и национальных символов в этом процессе? Может быть, они безнадежно устарели, как устарели военные парады, демонстрирующие «чудо-технику» и нашу «мощь и величие»?

«Комплекс маргинала» характерен для неудачников, которые напрочь лишены ответственности не только за действия коллективные, но и за действия личные. Сплочение общества, коллективное сознание и коллективные действия часто формируются на основе культивирования беспамятства, борьбы против мифических внешних и внутренних врагов. История переписывается и становится историей сплошных побед и героического прошлого. Все неудачное и постыдное, неудобное и преступное предается забвению. В комплексе жертвы, маргинала, аутсайдера, обиженного сильно стремление к виктимизации, ресентименту, поиску виновных. В качестве исторического примера можно назвать поведение немцев, которые после Первой мировой войны решили, что в их неудачах повинны евреи, либо поведение русских, которые во всех своих бедах привыкли видеть главную их причину – козни Запада. По-

литическая функция истории ныне резко возросла. Возможно, это архаичная реакция на новую ситуацию в стране и за ее пределами, когда активно ведутся бои «за историю», «места памяти», «национализируется история», устраиваются «войны с памятниками». На гребне этой войны выдвигаются совершенно абсурдные идеи: «мы – самые духовные», «весь мир – враги», «война не страшна, даже если в ней погибнет человечество». Противодействие «фальсификации истории» вырождается в ее тотальную мифологизацию. Пропагандируется идея, согласно которой для воспитания героизма и патриотизма нужно руководствоваться мифом, «святой ложью». Проводится политика, суть которой препятствовать искажению «исторической правды», в том числе и «уголовно-правовыми мерами». Задачу устанавливать «историческую правду» берет на себя не профессиональный историк, а дилетант, профан, занимающий определенную ступеньку в государственной чиновничьей иерархии. Большой популярностью начинают пользоваться разного рода конспирологические концепции, поиски виновного во всех грехах, теории заговора, вредителей, террористов, врагов народа, иностранных агентов. Подобные претензии на монопольное знание абсолютной истины, подлинной «исторической правды», выражающиеся в «борьбе с фальсификациями» и инакомыслием, приводят к забвению коллективной травмы и должны рассматриваться в рамках «нарративного фетишизма».

Культурная травма, способствующая обретению новой идентичности, возможна только на фундаменте новой этики. Однако сейчас мораль как выражение метафизической природы человека утрачивает свой абсолютный характер как высшей, безусловно значимой инстанции; она релятивизируется, рассматривается как разновидность социальных норм, обычаев, превращается в «частное» дело отдельного человека. Субъект в постмодерне не связан социальными институтами, внешними этическими нормами, внешними по отношению к его сознанию культурными ценностями. Создается впечатление, что сформировался мир, в котором этике вообще нет места. Однако, как говорил Ж.-П. Сартр, «смерть Бога» ничего не меняет: мы в ответе за мир и не можем переложить эту ответственность на кого-либо. Логическим следствием свободы является абсолютный характер ответственности. Обретет ли вновь мораль статус высшей инстанции или же окончательно его утратит, подменив юридическими или эстетическими нормами, практиками повседневного поведения? На какой основе может появиться новая этика, которая объединяла бы человечество? Может ли быть создана такая этика или подобные попытки заранее обречены на провал?

Я считаю, что в условиях глобального мира уже формируется понимание общих ценностей и целей, характерных для всего человечества. Есть главные ценности, которые способствуют выживанию и совершенствованию человека, – жизнь, мир, взаимная польза. На основе такого понимания должна сформироваться новая мораль, новая этика

нового мира. Мы нуждаемся в общем языке, логике диалога, аргументации в межкультурной коммуникации. От нормативного Разума Просвещения необходим переход к коммуникативной рациональности постмодерна. Как преодолеть физикалистскую, механистическую, техницистскую модель рациональности социального и перейти от нормативного Разума к разуму коммуникативному, от идеологии «порядка управления» к «порядку согласования» социальной реальности в режиме коммуникации?

На мой взгляд, разум не является полностью ангажированным. Новая рациональность, рациональность как форма жизни, новая чувствительность, способность формировать культурную травму и обрести новую идентичность – это попытка с помощью коммуникативного действия выйти к новому социальному качеству человечества. Новая мораль, новые отношения между людьми должны строиться на коммуникации, умении договариваться, стремлении учитывать разнородные и противоречивые интересы и позиции. С чужим мы должны жить в согласии, даже если он нам и не особенно симпатичен. В ситуации мультикультурализма толерантность так или иначе будет востребована. Мы должны быть терпимы друг к другу, сопереживать друг другу, договариваться друг с другом, культивировать доверие и сотрудничество как норму жизни, потому что обязаны решить главную проблему – уйти от войн как нормы взаимоотношений между людьми, отодвинуть опасность самоуничтожения в результате непродуманной деятельности. Отсутствие абсолютных истин и относительность наших знаний, ограниченность нашего понимания должны подвигнуть нас к стремлению договариваться на основе относительности, временности, зыбкости наших позиций. Иначе говоря, нужно двигаться от нормативного разума к коммуникативному разуму. Только на такой основе возможно формирование и функционирование общечеловеческой культуры свободы, памяти, скорби и ответственности. Исторический спор между М. Фуко, З. Бауманом и Ю. Хабермасом может быть разрешен отнюдь не в теоретической плоскости. Будет ли в обществе будущего вместо этики только эстетическая стилизация «управления собой», либо «мораль без этики», либо возникнет новая, коммуникативная этика – этого нам знать не дано. Спор может быть разрешен только самой историей.

Список литературы

1. Александр Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г.К. Ольховникова, под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Праксис, 2013. 640 с.
2. Бауман З. Актуальность Холокоста. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.fedy-diary.ru/html/032013/2203013-01a.html> (дата обращения: 10.07.2021)
3. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества М.: Весь мир, 2004. 188 с.

4. Бондарева Я.В. Антропологические основы русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 75–82.
5. Бондарева Я.В. Мировоззренческие основы научного познания // Молодой исследователь: вызовы, поиски и перспективы развития российского образования: сб. матер. XX Международ. науч.-практ. конф. аспирантов и молодых исследователей. М.: ФГАОУ ДПО АПК и ППРО, 2017. С. 22–28.
6. Бондарева Я.В., Завьялов А.С. Цифровое инфопространство и его характеристики // Сибирский учитель. 2016. № 3 (106). С. 35–38.
7. Зигмунт Бауман: Человечество должно прекратить съедать планету. [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.pl/ru/article/zigmunt-bauman-chelovechestvo-dolzhno-prekratit-sedat-planetu>(дата обращения: 10.07.2021)
8. Иноземцев В.Л. О «капитализации истории»: к осмыслению проблемы // Неприкосновенный запас. 2000. № 5. С. 243–252.
9. Колесниченко Ю.В. Опыт евразийства: тема личности в отечественной философии // Вестник Московского университета. Серия 12: Социально-политические исследования. 1994. № 1. С. 71–78.
10. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 40-41(2-3). С. 202–208.
11. Орлов А.Д., Сафонов А.Л. Кризис национального государства: глобализация и наследие «осевого времени» // Нравственное государство как императив государственной эволюции: матер. Всеросс. науч. конф. М.: Научный эксперт, 2011. С. 775–790.
12. Ракитянский Н.М., Колесниченко Ю.В. Философско-психологическое измерение проблемы портретирования личности политика // Конфликтология / nota bene. 2015. № 2. С. 218–233.
13. Сафонов А.Л. Глобализация: структура, сущность и атрибуты. М.: Изд-во: МГИУ, 2014. 100 с.
14. Сафонов А.Л. Нация и этнос: социальные группы в «плавильном котле» глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1. С. 273–288.
15. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Глобализация: кризис мировой системы как система кризисов // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 2. С. 114–124.
16. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Социальный регресс как атрибут глобализации // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 4. С. 80–94.
17. Хренов Н.А. Воля к сакральному. СПб.: Алетейя, 2006. 571 с.
18. Kostadinovich D.D., Bondareva Ya.V. Dialogue as a method of modern education // Bulletin of the MRSU. Series: Philosophy. 2020. № 2. P. 27–34.

CULTURAL TRAUMA AND THE CONTEMPORARY WORLD

G.L. Kostrov

Moscow Region State University, Mytishchi

The article is aimed at the analysis of the problem of the formation of cultural trauma in the postmodern era. Uncovering the essence of cultural trauma formation, its main properties are studied: the disappearance of the sacred, the destruction of meta-narratives, traditional social space and time, habitual moral norms, distrust of normative Reason, the growth of individualism and egocentrism, chaos and uncertainty, the lack of strong ties between generations, feelings of guilt and responsibility for the deeds of ancestors, the desire to live «here and now», etc. The peculiarities of the functioning of narrative fetishism in contemporary Russia, expressed in the fight against «falsifications of history», are revealed.

Keywords. *Cultural trauma, constructivism, identity, memory, oblivion, guilt, victimization, repentance, post-memory, multiculturalism, commemoration, falsification, narrative fetishism, ethics of communicative action.*

Об авторе:

КОСТРОВ Геннадий Леонидович – аспирант кафедры философии ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет, г. Мытищи. E-mail: shmc26@gmail.com.

Author information:

KOSTROV Gennady Leonidovich – Phd student, Department of philosophy, Moscow Region State University, Mytishi. E-mail: shmc26@gmail.com.